

**ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ БИБЛЕЙСКОЙ ПРИТЧИ
В ПРИТЧЕВОМ ПОВЕСТВОВАНИИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Понуждаев Артем Дмитриевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются особенности притчeveго повествования в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Анализируются жанровые традиции ветхозаветных и новозаветных притч и их жанровые модификации в повествовательной структуре произведения. Доказывается, что жанровые модификации библейских притч в романе «Братья Карамазовы» обусловлены спецификой художественного мышления Ф.М. Достоевского.

Взаимодействие притчи с другими текстами внутри как одного, так и нескольких произведений Достоевского являются предметом пристального внимания исследователей творчества писателя и теоретиков литературы. С одной стороны, «диалог» между текстами открывает новые смыслы как произведений писателя, так и всего его творчества; с другой стороны, притчевое повествование произведений Ф.М. Достоевского создает основу для постановки и решения важнейших теоретических проблем, связанных с литературной интерпретацией «чужого текста», жанровых текстопорождающих значений. В этой связи нельзя не отметить труды В. Н. Габдуллиной, Е. Г. Новиковой, В. Н. Захарова, посвященных библейским мотивам в творчестве Ф.М. Достоевского.

Однако жанрово-типологические особенности библейской притчи в повествовательной структуре произведения писателя нуждаются в уточнении и требуют конкретизации. Наиболее отчетливо роль библейской притчи просматривается в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В литературно-энциклопедическом словаре можно найти определение С.С. Аверинцева: «Притча – это дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных своих чертах близкий басне» [1, с. 307]. Мораль притчи делается понятной слушателю благодаря ее яркой житейской образности, поскольку главная мысль в ней предельна заострена. Особую важность играет деталь (символ), на которой акцентируется внимание. Действующие лица в притче описаны весьма сжато, характеристика персонажей детально не разработана, а сюжет ограничен и краток. В притчи всегда строгая и простая композиция, она лаконична, речь рассказывающего точна и не содержит излишеств, по этой причине ее можно считать афористичной.

В художественной структуре романа Достоевский использует различные типы притчeveго повествования, которые, однако, ни разу не называет притчей. Писатель определяет их жанровую принадлежность по-разному, в соответствии с характером и логикой персонажа. Так, рассказ Грушеньки про луковку называется «легендой», а истории Ивана Карамазова – «картинками», «анекдотами».

Легенда о луковке является сюжетной притчей. Сюжетная притча есть законченный художественный текст, заключающий определенную сентенцию, генетический ее жанр близок к новозаветной притчи Иисуса Христа. Такой тип

притча может быть самостоятельным произведением: ее можно изъять из романа, но она все равно будет обладать художественной цельностью.

Притча о луковке, с одной стороны, стремится к ясности и простоте, с другой – требует анализа, без которого смысл притчи оказывается недоступным. У Достоевского притча органично вписывается в текст и служит для более глубокого понимания содержания. Главным мотивом «легенды» о луковке становится спасение человеческой души, которая находится на краю гибели. Достоевский осознанно объединяет идею всеобщей вины и взаимного спасения при помощи внедрения сюжетной притчи о луковке, без которой связать определенных героев в одной сюжетной сцене было бы сложнее.

К другому типу притчевого повествования относятся две «картинки» Ивана Карамазова: о травле мальчика собаками, об издевательствах родителей над маленькой девочкой. Рассказчик (Иван) ссылается на «достоверный» источник, повествуя своему брату о «картинках»: «... и главное, только что прочел в одном из сборников наших древностей, в «Архиве», в «Старине», что ли, надо справиться, забыл даже, где и прочел» – говорит перед рассказом Иван [2, с. 164]. Это усиливает правдоподобность рассказа. Читатель должен убедиться в реальности приведенного Иваном «фактика», что, однако, не отменяет ее индизабельности. Сюжет, основанный на «реальном» факте, служит Ивану подтверждением его идеи о «слезинке ребенка». Такое индизабельвание весьма удобно для Ивана, который таким способом может проиллюстрировать свои доводы в пользу существования (несуществования) Бога, допускающего такие страдания.

Особое место в романе занимает притча о философе, представленной во сне Ивана Карамазова. Это единственный тип притчи в романе, где рассказ прерывается комментариями «рассказывающего» (Черта) и «слушающего» (Ивана), что свидетельствует о явном отступлении от классического жанра, а самой притче придает пародийный характер. Под осмеяние попадают не только «юные» мысли самого Ивана, но и изречения старца Зосимы.

Если сравнивать эту притчу с другими притчевыми индизабельваниями Ивана, то складывается впечатление незавершенности, возможно, из-за того, что, как было в других «анекдотах» Ивана, все сводилось к вопросу, к морально-нравственному вопросу-выбору, который был определяющим в мыслительных исканиях Ивана. В притче о философе таковой отсутствует. Хотя Иван и называет эту притчу «анекдотом», в других «анекдотах» и «картинках» он ссылается на определенный источник (журналы «Старина», «Архив»). Здесь притча выполняет другие функции, чем «картинки». В ней как бы отсутствует лицо слушающее, точнее Иван и есть рассказывающий и воспринимающий информацию. Эти отличительные черты и позволяют обособить данную притчу как сюжетную притчу, в отличие от других изречений Ивана Карамазова.

К притчевому повествованию можно отнести сон Мити Карамазова, в котором ему снится мать с плачущим ребенком, главным образом-символом становится «дítě» [2, с. 335]. В притче-символе основную смысловую нагрузку несет знак (символ), обозначающий индизабельтельную идею. Пользуясь символом, Достоевский лишь намекает на какие-то мысли, заставляет нас угадывать. Опорными в структуре притчи-символе о плачущем дите являются также мотивы дороги, тройки и скачки на лошадях. Эти мотивы используются и в других эпизодах,

которые предшествуют сну и подготавливают читателя: бешеная скачка Мити в Мокрое и сон Грушеньки перед самым его арестом. Сон был навеян звуками колокольчика подъезжающей комиссии и словами Дмитрия о возможном для него исходе (отправке в Сибирь).

В притче-символе нам дана лишь «картина» с небольшим диалогом. Ужас горя дополнительно подчеркивается в притче некрасивой природой, погорелой деревней и холодом, что служит фоном, картиной для больше сочувствия к плачущему ребенку. Образ плачущего ребенка соотносится со страданиями детей в рассказах Ивана Карамазова в главе «Бунт». Так, из практически идентичных ситуаций два брата (Иван и Дмитрий) приходят к разным выводам по поводу существования страданий вообще. Притча-символ становится одним из центров романа, взаимодействуя с другими текстами, притчами и притчевыми иносказаниями в произведении. Притчу-символ можно посчитать продолжением притчевых иносказаний Ивана, поскольку они затрагивают те же темы: страдания невинных, наличие зла в мире.

Итак, Ф. М. Достоевский использует различные типы притчевого повествования в романе «Братья Карамазовы». Благодаря использованию элементов этого жанра, можно утверждать, что автор обладает специфическим мышлением, позволяющим исследователям соотнесенности роман и его части с одним из важнейших жанров литературы – притчей. Это позволяет Достоевскому создать дополнительную характеристику персонажей и создать подтекст для всего романа.

Литература

1. Аверинцев С. С. Притча // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожвинова, П. А. Николаева. – М., 1987.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. Братья Карамазовы. – 511 с.